

Юрий ВАРЫГИН

Казачинское

Юрий Яковлевич Варыгин родился в 1937 году в селе Рождественском Казачинского района. Окончил Московский государственный институт культуры. Работал во многих театрах страны. Возглавлял Казачинский народный театр (1969—1993). В разные годы стихи и рассказы публиковались в газетах и коллективных сборниках. Автор книг «Поэзия любви», «Свет мгновения». Член Союза журналистов России. Лауреат всесоюзных и всероссийских фестивалей народного творчества. Заслуженный работник культуры России. Кавалер ордена «Знак Почёта». Ветеран труда. Почётный гражданин Казачинского района.

ШУРА-НЕМА

Жил некогда в селе Рождественском Шура-нема, то есть Александр (кажется, Ефимович) Сидоров. А прозвали его «Нёмой» потому, что он плохо говорил. Таким, рассказывали бабки, он родился. Думали сначала, что он вообще не будет говорить, так и останется немым от рождения, но он всё-таки заговорил. И хотя говорил он нечленораздельно и понять его было трудно, но общаться с ним было всё-таки можно. По крайней мере, он чужую речь понимал.

Был у него брат Иван, балагур и просмешник, вместе они работали в колхозе; жили, как и все, бедно, а мать, тётка Марья, воспитывала их одна, так как отец их погиб на фронте в первые же дни войны. Работала она в заезжей для шофёров, и это давало ей небольшой заработок для пропитания.

Шофёры — народ весёлый, частенько, как бы сейчас сказали, тусовались в доме Марьи Сидоровой и после трудового дня, оставаясь на ночлег, в подпитии пели и плясали до утра. Тётка Марья терпела всё это ещё и потому, что от весёлых шофёрских компаний оставались кое-какие продукты.

Старший брат Шуры-немы уже был женат, а Шура делил свои радости и печали со своей дорогой матушкой, которая в нём души не чаяла. Она всегда сильно его жалела, приговаривая:

— И за какие такие грехи, сыночек, такая на тебя кара свалилась?

А сыночек в ответ только мыкал и уливался слезами, утешая самого себя:

— Низзя, низзя плакать!

Он и красотой особой не был отмечен: лицо корявое, всегда грустное. Девчонки обходили его стороной, а ему, как и всем его сверстникам, хотелось большой любви. Всегда задумчивый, он имел хорошую, добрую душу, мог последним куском поделиться. А мы, сорванцы помладше его, не понимали этого и дразнили его, как могли.

— Шура-нема! Шура-нема! — кричали мы часто ему вслед; он в сердцах бежал за нами, чтобы наказать за обиду, а мы убегали и продолжали кричать: — Шура-нема! Шура-нема!

Сегодня даже стыдно вспомнить об этом. Было это в пятидесятых годах прошлого столетия, а как будто бы сейчас.

В школе Шура не учился, но знал на память всех вождей, узнавал их на портретах, и когда у него спрашивали, кто это, он с удовольствием отвечал: «Дядя Косыга», «Дядя Беря», «Дядя Брежия». Нам было смешно, а он обижался, опять гнался за нами, а мы убегали. Но один раз я бежал-бежал да остановился. Подумал: «А что он со мной делать будет?» Шура догнал меня, размахивая кулаками, взял за грудки и со смехом сказал:

— Низзя так, низзя!

И я понял, что он совсем не злой. Мы обнялись и стали большими друзьями.

Однажды мой старший брат Николай, художник и педагог, выслал мне из Тюмени, где он жил с семьёй и работал, фотоаппарат «Кодак». Выслал, но только без плёнки. Но я любитель розыгрышей и «фотографировал» (не всегда бесплатно!) пустым аппаратом всех подряд и в разных позах, обещая каждому сделать на следующий же день фотографии. Естественно, фотографий не могло быть, хотя за мной ходили неделями, выпрашивая их. Собирались даже меня отлупить.

— Где фотографии? — пристал ко мне однажды Валька Савин. — Отдавай складник обратно!

И кинулся на меня драться:

— Валерка, помогай!

Добрая началась потасовка, но тут как тут появился Шура-нема, зарычал как зверь и разбросал нас по сторонам. Силы он был недюжинной.

Вколхозе он пас скот, конюшил, возил от комбайнов на подтоварник зерно в «палубках» (больших прямоугольных длинных ящиках) и всегда летом ходил в брезентовом дождевике: и в солнце, и в дождь. А от его огромных сапог всегда сильно

пахло дѣттем. В руках он постоянно носил длинный бич (кнут), которым умел щёлкать о дорогу так, что эхо от этих щелчков было слышно на всю деревню. Колхозное стадо подчинялось бичу беспрекословно, зато мы все его побаивались.

Он был по-крестьянски смекалист. Мой старший брат Борис как-то рассказывал:

«Однажды мы возили рожь с поля в мангазин (специальный склад для зерна). Лил дождь, дорога раскисла, наши лошадёнки еле тащили за собой телеги с зерном. Колёса утопали в грязи и наконец застряли намертво. Кони изо всех сил упирались копытами в землю, пытаясь провернуть огромные куски грязи, в которые превратились колёса, но сдвинуть с места телеги не могли.

И тут Шура-нема и говорит:

— Боля (то есть Боря), Боля, давай посьта!

Я сперва ничего не понял, а потом догадался: „почтой“ — это значит в одну телегу впрячь две лошади. Впрягли, дёрнули и вытащили телегу из грязи. Потом и вторую так же.

— Ай да Шура! — похвалил я его. — Я бы до этого никогда бы не додумался!

А он улыбается и всё повторяет:

— Посьта — хорошо?»

Как и всё наше деревенское население, он всегда радовался приезду кинопередвижки.

— Ваня (киномеханик) тут! — кричал весело он. — Кино! Кино!

Кинопроектор стоял на сцене, а Шура старательно крутил динамо-машину, которая вырабатывала электричество для проектора (другой электроэнергии в деревне тогда ещё не было). Шура крутил динамо и был очень горд от осознания своей важности: это он даёт свет для кино! Что творилось в это время на экране, его мало интересовало. Главным для него был сам процесс показа.

Киномеханик Ваня Кузнецов (наш кумир), когда уже пошли звуковые фильмы и энергию давал движок, работавший во дворе клуба, ставил Шуру у дверей, чтобы ни один сорванец не проник в клуб бесплатно. И Шура свою миссию выполнял самозабвенно. Причём экран его по-прежнему совсем не интересовал. Застрочат пулемёты в военном фильме — посмотрит, а так — нет. Всё его внимание в это

время было сосредоточено на дверном крючке. Ему явно приятно было слушать наши голоса из-за двери.

— Шура, будь другом, пусти! — клянчили мы.

— Низзя, низзя! — шептал он. — Спать!

— Шура, тудыть твою мать, открой дверь, пусти! Ведь я твой старший брат Ванька! Пусти!

— Низзя, Ваня, низзя!

Таким был Шура-нема. Честный, порядочный, ответственный. Поручили дело — надо выполнять. Таким он был во всём.

Но однажды случилось так, что и мы из-за неимения денег в кино не попали, и его не попросили в дверях постоять. Вместе с нами он оказался на улице (а дело было зимой). Что делать? Как в клуб попасть? Проектор к этому времени располагался в кинобудке (колхозные мужики специальную пристройку к клубу сделали), а экран, как и положено, находился на сцене. И мы, долго не думая, выломали окно в гримировочной и по одному забрались на сцену, чтобы смотреть кинодействие с обратной стороны экрана. Шёл, как помню, фильм «Ленин в Октябре».

Только мы уютно угнездились у экрана, как услышали Шурин рёв:

— А-а-а!

С перепугу мы кинулись в гримировочную, а Шура стоит под окном снаружи и хохочет.

— Шура, дай фильм посмотреть! — обратились мы слёзно к нему.

— Сё, сё, — успокоил он нас.

Но только мы оказались снова у экрана на сцене, как Шура снова заорал, да ещё и громче. Так повторялось несколько раз. Фильм нам посмотреть не удалось, хотя и знали мы его наизусть. А Шуре было забавно дурачить и пугать нас.

Любил Шура-нема постригаться. Парикмахерской в Рождественском не было, и он всегда ходил к Мише Кушнику, который Шуру постригал в первую очередь.

— Посмотри в зеркало, — говорил ему Миша после своей работы, и Шура, глядя на себя, счастливо улыбался и спрашивал:

— Когда опять?

Нравилось ему прихорашиваться, а в Мише он души не чаял. Ценил он хорошее к себе отношение и хорошим людям всегда помогал сам.

Когда я вспоминаю всё это, я думаю: как же мы интересно жили тогда! В нищете, в голоде, но интересно (хотя и без телевидения, без компьютеров и без Интернета). А Шура-нема остался в моей памяти навсегда. Его ценили в колхозе, его портрет постоянно красовался на колхозной Доске почёта.

Но только сегодня я ясно понимаю, что почести его мало утешали. Он был нем, и это его грызло всю жизнь. Н. А. Некрасов сказал в одном из своих стихотворений: «Никто не сумеет понять всю силу чужого страдания». Вот так и с Шурой-немой. Нас забавляла его немота, а что у него было внутри, в душе, нас не интересовало. Всю свою нелёгкую жизнь он прожил один, в трудах, в страданиях. Умерла его мать, тётка Марья, умер брат Иван, и жил он бобылём, лишённый радости и женской любви.

В 1956 году я уехал служить в армию, и след Шуры-немы потерялся. Спросить, где он, что с ним, было всё как-то недосуг. Но, помню, уже в годы перестройки приехал я со спектаклем в деревню Березняки. Пьеса была о деревне, и приняли её зрители хорошо. Мы уже собирались уезжать, шофёр автоклуба поторапливал пас. Но тут ко мне подошёл мужчина в распахнутом брезентовом дождевике, немолодой, но и ещё не дряхлый. Он молча обнял меня, и кости мои хрустнули.

— Юла, Юла, я здесь! — сквозь слёзы забормотал незнакомец.

Когда он расцепил свои объятия, я узнал моего доброго друга Шуру-нему. Мы обнялись снова, постояли молча. Он попытался что-то рассказать мне, но я ничего не понял.

А жители Березняков мне рассказали, что живёт Александр Ефимович в их деревне уже давненько, что женат на женщине с детьми, что она временами осложняет (как я понял) ему жизнь. В колхозе местном он на хорошем счету, а жители деревни его уважают.

Я порадовался за земляка. И когда мы уезжали, он долго стоял возле своего дома и долго махал мне рукой, пока машина не скрылась за поворотом.

Прошли годы. Шуры-немы уже давно, наверное, нет в живых. Всё как-то не удосужусь узнать о нём. Стыдно! Хотя о нём, о земляке своём, я вспоминаю часто, рассказываю о нём внукам. И вот написал о нём. Таких кристально чистых людей сегодня, поди, и не найдёшь...